

Сама по себе децентрализованная сеть рынка криптовалюты имманентно предполагает, что открытого доступа к информации об обороте этих цифровых активов «не предполагается». Единственное, что остается юрисдикционным органам при реализации процедуры конфискации – это «физическое удержание» – понуждение репрессируемых к передаче секретных ключей-шифров. Как-то иначе вскрыть/взломать эти шифры пока не представляется возможным (их можно хранить на удаленном носителе или просто запомнить наизусть). Эффективность такого метода более чем сомнительна; либо он чреват всплеском злоупотреблений. Использование же субъектами в цифровом обороте анонимных «криптобанкоматов», специальных программ-микшеров (средства из разных источников перемешиваются друг с другом, и если кто-то отслеживает цепочку финансовых операций, то на этом моменте она как бы прерывается, и становится непонятно, что здесь кому принадлежит, в итоге, даже если изначально активы были идентифицированы, то после работы такого микшера они становятся анонимными) лишь усугубляет обозначенную проблему.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК КАК ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ

Грошева В.К.,

*кандидат юридических наук, доцент,
Донецкая академия внутренних дел
Министерства внутренних дел
Донецкой Народной Республики*

Меживой А.В.,

*кандидат юридических наук,
Донецкая академия внутренних дел
Министерства внутренних дел
Донецкой Народной Республики*

Договор как средство организации гражданских правоотношений является универсальной юридической конструкцией, основанной на соглашении сторон и направленной на достижение правовой цели. Согласно легальному определению сделка рассматривается как действие с присущей юридической направленностью воли субъекта правоотношения. Аналогичное определение содержится и во всех кодификациях гражданского и предпринимательского законодательства.

Между тем, категорию «недействительность договора» разные авторы формулируют под влиянием своих представлений непосредственно о договоре (сделке). Изложенные в юридической литературе представления относительно юридической природы недействительных договоров существенно отличаются друг от друга. Отсутствие единого понимания характеристик исследуемого явления предопределило многообразие подходов к указанной проблематике.

В этой связи заслуживают внимания результаты исследования, проведенного Д.О. Тузовым [1, с. 115], который при изучении природы указанного явления особое внимание уделил определению места недействительных договоров среди остальных сделок. Посредством законодательного определения сделки Д.О. Тузов делает заключение о присущей ей правовой направленности, но не правомерности как существенного признака. Сделка – это, прежде всего, правомерное деяние. Вместе с тем Д.М. Генкин считает, что степень правомерности не является обязательным элементом договора как юридического факта, а указывает лишь на его последствия [2, с. 50]. Эта концепция нашла поддержку ученых Н.В. Рабинович и В.П. Шахматова, доказавших, что правомерность служит признаком только действительной сделки [3, с. 11-13], [4, с. 24], [5, с. 87].

Дальнейшее свое развитие данная концепция получила в объединении всех действительных и недействительных сделок по такому признаку как направленность воли на достижение юридически значимого результата. И эта субъективная характеристика, обобщив действительные и недействительные сделки, отграничила их от деликта.

Таким образом, исходя из анализа отдельных правовых позиций, недействительный договор, не повлекший желаемых юридических последствий, как юридический факт является таким же договором, но без определенного правового эффекта [4, с. 25].

Следует отметить, что сделка будет недействительной именно в силу присущих ей недостатков [3, с. 12]. Во избежание возникновения правовых коллизий, законодатель установил четкий перечень оснований недействительности: 1) несоответствие законам и иным нормативным правовым актам; 2) несоблюдение специальных требований о содержании сделки; 3) нарушение формы договора и несоблюдение требований о государственной регистрации; 4) нарушения, связанные с невыполнением предписаний о правосубъектности сторон договора; 5) недействительность договора юридического лица, выходящего за пределы его правоспособности; 6) несоответствие воли и волеизъявления в сделке; 7) упречность (дефектность) воли лица, совершающего сделку.

При оценке договора на предмет действительности осуществляется проверка того, имеются ли в наличии те или иные основания недействительности. При этом наличие законодательных пробелов и неточностей в сфере регулирования оснований недействительности договора в большей степени затрудняет восприятие норм закона участниками гражданских правоотношений, применение их судами, и, соответственно, способствует дестабилизации гражданского оборота в государстве.

Интересной с точки зрения определения сущности сделки является позиция А.А. Демина, который, называя сделку способом саморегуляции права, учитывая ее регулирующий правовой эффект, связывает содержание договора с идеей установления гражданских прав и обязанностей в результате согласованной правовой деятельности. Указанная деятельность, в свою очередь, выступает формой регулирования общественных отношений, осуществляемой посредством гражданско-правовой сделки [6, с. 105].

Следует обратить внимание на то, что недействительность (как и незаключенность) договора означает лишение его правовой силы и отсутствие потенциальной возможности (способности) иметь последствия, для достижения которых он возник (произвести желаемый правовой эффект). Общая воля совершить недействительный договор всегда сформирована и окончательна, но сама сделка порочна. В отличие от незаключенного договора недействительный договор является юридическим фактом, то есть, он может иметь правовые последствия, связанные лишь с его недействительностью.

Определенный интерес в контексте исследуемого вопроса вызывает роль принципа свободы договора, в силу которого, по общему правилу, стороны свободны в установлении условий договора, составляющих его содержание, но, тем не менее, ограничены в определенных законодательством случаях [7, с. 17]. Поэтому подмену юридической конструкции неправильно воспринимать в качестве однозначного условия действительности сделки. Несоблюдение приведенного выше правила приводит скорее к имущественным потерям участников договорных отношений. Также могут пострадать определенные частные интересы вследствие переквалификации (изменения вида) сделки. Так, например, налоговые органы могут переквалифицировать договор купли-продажи в договор комиссии.

Кроме правил, закрепленных участниками сделки (т.е. содержания) в договоре, применимы также законодательные нормы, регулирующие иные элементы сделки. В связи с этим И.Г. Вахнин указывает, что в процессе подготовки текста соглашения используют нормы разных институтов права, юридические конструкции, их элементы: гражданин, имущество, права на

имущество, юридические факты, соглашение, сделка, представительство, материально-правовые сроки, обязательства, юридическая ответственность, различные способы обеспечения обязательств, претензионный порядок, правила подсудности и т.д. [8, с. 29]. Входящие в содержание договора нормы-правила являются элементами частного права, а нормы-пункты договорного регулирования, которые исполняются независимо от усмотрения сторон сделки, – элементы публичного права. Итак, в силу своего содержания любая заключенная сделка представляет собой частно-публичное (нормативно-волевое) образование [9, с. 104-105]. И в этом качестве сделка служит основой договорного регулирования.

Рассматривая предпринимательские корпоративные правоотношения, которые возникают при реорганизации коммерческих организаций, следует отметить, что в определенных случаях (например, при признании реорганизации коммерческих организаций недействительной) последствия недействительности договора неприменимы. Как показал анализ соответствующих гражданско-правовых норм, для признания реорганизации недействительной применимы нормы о признании недействительной государственной регистрации юридических лиц [10, с. 77]. По нашему мнению, предпринимательское (гражданское) законодательство целесообразно дополнить положениями, регулирующими признание проведенной реорганизации недействительной и предусматривающими в качестве последствий восстановление положения, существовавшего до реорганизации, как это сделано, например, в отношении недействительности сделок [10, с. 78].

Таким образом, правовая природа недействительности договора заключается в несостоятельности юридического факта соглашения. Недействительность гражданско-правового или предпринимательского договора состоит в отрицании правовых последствий соглашения, на достижение которых была направлена воля сторон, вследствие определенных недостатков, имевших место во время заключения договора, и отказ в предоставлении ему юридического обеспечения [11, с. 231].

С уверенностью можно сказать, что проблема установления правовой природы недействительности договора нуждается в исследовании, несмотря на достаточное освещение отдельных вопросов, касающихся данной сферы, в юридической литературе. Договор служит основой гражданско-правового оборота, а появление недействительных договоров снижает устойчивость правоотношений в государстве, осложняет защиту прав и интересов добросовестных участников гражданских правоотношений.